

Герасимова Лилия Николаевна

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В УЗБЕКСКОМ ЭПОСЕ "АЛПАМЫШ" И ЯКУТСКОМ ОЛОНХО "ЭЛЭС БООТУР"

Статья посвящена сравнительному анализу женских образов в узбекском варианте "Алпамыша" Фазыла Юлдаша в переводе Л. Пеньковского и олонхо "Элэс Боотур" П. В. Оготовева с целью выявления схожих и отличительных черт. В заключение устанавливается, что указанные в классификации А. Н. Даниловой типы эпических женских персонажей в обоих произведениях существуют. Но в якутском олонхо каждый тип женщины показан разными образами по отдельности, а в узбекском эпосе они влиты в определенные образы. Также, несмотря на различие культурных традиций, места бытования, взглядов на жизнь, образы женщин как в олонхо, так и в "Алпамыше" похожи тем, что в них нет влияния духовенства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 46-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Итак, пространство монастыря Агнии замкнуто, его жизнь остановилась: «Ничего-таки, ровно ничего в нем не было располагающего ни к мечте, ни к самоуглублению» [3, с. 13]. Люди, которые живут здесь, не смогли принять случившееся в их судьбе, и жизнь в монастыре для них лишь «прибежище». И к сожалению, они не обретают Бога и не находят себя в духовной жизни. Феодосья и другие девушки приносят себя в жертву Богу, словно инокиня Агния, имя которой аллегорично связано с закланым агнцем.

Таким образом, каждое из имён персонажей Н. С. Лескова образует тесные связи с другими именами, а также включает в себе огромную культурно-историческую информацию о российской действительности, тем самым помогая автору реализовать общую идею романа – идею замкнутости и обречённости жизненного пути героев.

Список литературы

1. **Афанасьев А. Н.** Огонь // Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. М., 1995. Т. 2. С. 5-63.
2. **Ковалев Г. Ф.** Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Научная книга, 2014. 447 с.
3. **Лесков Н. С.** Собрание сочинений: в 11-ти т. М.: Художественная литература, 1956-1958. Т. II. 760 с.
4. **Скуридина С. А.** Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3 (17). С. 41-45.
5. **Соколов М. Н.** Христос у подножия мельницы-Фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978. С. 132-156.
6. **Соколова В. Ф.** Историко-филологическая наука и творчество Н. С. Лескова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51). Ч. II. С. 185-187.
7. **Суперанская А. В.** Словарь русских личных имён. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
8. **Топоров В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс, 1995. 621 с.

“THE QUIET SHELTER”: TO THE SEMANTICS OF THE NAMES OF THE RESIDENTS OF THE MONASTERY IN N. S. LESKOV’S NOVEL “NO WAY OUT”

Vyazovskaya Viktoriya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Voronezh State University
v.vyazovskaya@gmail.com

This article is devoted to the analysis of the anthroponyms of the residents of the monastery in N. S. Leskov’s novel “No Way Out”. These anthroponyms correspond to the Russian tradition of naming and they are socially colored. The considered onomastic units form the system, the connections of which involve in the internal organization of the text and the realization of intertextual relations of the novel. It is revealed that the names of these characters at the semantic-stylistic level realize the author's intention of the doom of the course of life by the example of the residents of the provincial monastery.

Key words and phrases: onomastics; names of the characters; the Russian language; N. S. Leskov; the style of the writer; novel “No Way Out”; Voronezh school of onomastics.

УДК 398.22

Филологические науки

Статья посвящена сравнительному анализу женских образов в узбекском варианте «Алпамыша» Фазыла Юлдаша в переводе Л. Пеньковского и олонхо «Элэс Боотур» П. В. Оготовева с целью выявления схожих и отличительных черт. В заключение устанавливается, что указанные в классификации А. Н. Даниловой типы эпических женских персонажей в обоих произведениях существуют. Но в якутском олонхо каждый тип женщины показан разными образами по отдельности, а в узбекском эпосе они влиты в определенные образы. Также, несмотря на различие культурных традиций, места бытования, взглядов на жизнь, образы женщин как в олонхо, так и в «Алпамыше» похожи тем, что в них нет влияния духовенства.

Ключевые слова и фразы: эпос; образ женщины; идеал; сравнение; олонхо.

Герасимова Лилия Николаевна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
gelinica@yandex.ru

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В УЗБЕКСКОМ ЭПОСЕ «АЛПАМЫШ» И ЯКУТСКОМ ОЛОНХО «ЭЛЭС БООТУР»[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496 (а).

В настоящее время в изучении эпических памятников особое внимание уделяется сравнительному исследованию. Как отметил Б. Н. Путилов: «Историческое изучение фольклора – во всем многообразии и во всей

сложности современной проблематики – невозможно без самого широкого и систематического сравнительного анализа, без соотнесения изучаемых явлений со сравнительными данными, без выявления и изучения фактов повторяемости, в конечном счете – без установления общих закономерностей и общих особенностей» [9, с. 3]. Поэтому в изучении эпического творчества тюркоязычных народов в плане общего происхождения и исторических отношений, выявлении общностей, сходств и различий, сравнительное изучение представляет собой большую значимость.

Ранее узбекский эпос и олонхо, как источники исследования, вместе были рассмотрены только известным эпосоведом И. В. Пуховым в статье «Враги героя в олонхо и в “Алпамыше”» [10]. Автор, раскрывая образы врагов, попытался дать ответ на историческое происхождение обоих эпических памятников и их связь. В данной статье предпринята попытка сравнительного анализа женских образов в узбекском варианте «Алпамыша» Фазыла Юлдаша в переводе Л. Пеньковского [2] и олонхо «Элэс Боотур» известного якутского олонхосута Петра Васильевича Оготова [7] с целью выявления схожих и отличительных черт.

Олонхо «Элэс Боотур» считается средним по объему среди других памятников якутского эпоса. Его главной идеей является, как упоминает об этом В. Н. Протодяконов в предисловии якутского текста, его духовно-нравственное воспитание читателя [6, с. 9]. Данная идея раскрывается в словах автора: «Не кичиться, что удачлив и хорош, / Не играть жизнью ни чужой, ни своей, / Непростых вопросов узлы / Не рубить сплеча, / Новой жизни на земле / Начало задавать / Предназначение прекрасное / Не забывать, не предавать, / Небесами дарованную милость / Несравненную жизнь прожить / как зеницу ока всегда оберегать – Олонхо это учит» [7, с. 10].

Дастан «Алпамыш» В. М. Жирмунский в своем труде «Тюркский героический эпос» разделяет на 4 основные версии: кунгратская, огузская, кыпчакская и алтайская [5, с. 334]. Узбекский вариант «Алпамыша» Фазыла Юлдаша относящийся к кунгратской группе был записан в 1928 г. и состоит примерно из 14000 строк. По мнению В. М. Жирмунского, «вариант Фазыла Юлдашева отличается замечательной полнотой и художественностью разработки» [Там же].

Женские персонажи олонхо были рассмотрены в работах И. В. Пухова [11], П. А. Ойунского [8], Г. У. Эргиса [12] и др. Исследователь А. Н. Данилова на основе выполняемых функций распределяет женские эпические персонажи на следующие типы:

- 1) богини и духи в образе женщин, покровительствующие главным героям олонхо;
- 2) женщины-удаганки, обладающие магическими способностями, выступают в роли помощников главных героев олонхо;
- 3) женщины-богатырки, защитницы своего племени, которые берут на себя обязанности мужчины-воина и удаганки-жрицы;
- 4) женщины племени *айыы*, которые видят свое счастье в исполнении традиционных ролей матери, хозяйки очага, сестры;
- 5) женщины *абаасы*, помощницы главного отрицательного персонажа, которые хотят вступить в брак с богатырями племени айыы (они их заманивают в ловушку либо берут в плен) [4, с. 99].

В «Элэс Боотуре» у богатыря есть три сестры: Айталын Куо, Айыы Уйантай и Кыыс Чэрэлин. На протяжении эпоса они пытаются успокоить нрав брата, советуют ему, всеми силами заранее пытаются предостеречь брата от предстоящих бед. Однажды Кыыс Чэрэлин видит вещий сон, с Нижнего мира страшный богатырь появляется внезапно и крадет сестер Элэс Боотура, цель его усмирить своей темной силой человеческий род. После того, как она это рассказывает, богатырь злится. Тогда сестры его просят, чтобы он держал себя в руках и не делал спешных решений. Они преданны брату, так как он приходится им старшим, к тому же защитником и опорой. Но, в то же время, несмотря на то, что они младше его, как мать оберегают, тревожатся за него. Например, когда сын *абаасы* крадет Сыралынса Куо, то трое братьев ее, которые являются также мужьями сестер Элэс Боотура, гонятся за Тимир Дьисинтэй. Поэтому сестры предупреждают брата, что если братья с пустыми руками возвратятся, то его убьют и просят, чтоб он уходил. Образ трех сестер показывает женскую предосторожность, тревожность.

Светлоликая Сыралынса Куо является «героиней олонхо, которая идеализируется как воплощение женственности, красоты и человеческой доброты» [11, с. 13].

«Светлого дома зарница,
Белого дома мотылек,
Черного дома ласточка,
От пасмурного дня бережная,
Ясному солнцу не казанная
Женщина желанная
Красоты бесподобной,
Любому сердцу отрада...» [7, с. 125].

Как упоминается в работе И. В. Пухова, у Сыралынса Куо роль «предмета притязаний богатырей» [11, с. 14], ради которой сражаются.

Таким образом, сестры богатыря и Сыралынса Куо – героини, играющие пассивную роль, они не совершают никаких подвигов, не используют свою хитрость для преодоления препятствий, наоборот, им предоставлено быть сужеными невестами богатырей, матерями и хранительницами очага.

Но у «несравненной по силе, красоте и храбрости» девицы-богатырь Кыыс Нюргун другое предназначение. Она сражается с тремя-братьями *абаасы* Уот Урбалдын, Тонг Дурай, Кюстэх Кюпсюлэ. Уот Урбалдын против воли девушки захотел на ней жениться, поэтому началась борьба и длилась три года. Образ Кыыс Нюргун показывает смелую, готовую сразиться за свои права, сильную духом женщину.

Если в олонхо идеал женщины выражен несколькими разными образами, то в «Алпамыше» все качества, которыми должна быть наделена женщина-идеал народа, в основном, проявлены в Барчин и Калдыргач. Калдыргач, сестра Алпамыша, обладает умением предвещать, она помогает брату выбрать именно ту лошадь, которая будет служить ему верно и, как оказалось, имеет «чудесные качества»: «Не печалься, не думай, что это плохой конь. Человек, севший на этого коня, увидит многие страны, достигнет цели своей» [2, с. 73].

Затем, именно она отправляет героя на помощь к Барчин, вопреки воле отца:

«Ты не обижайся, – я тебе сестра
И тебе желаю счастья и добра.
Срок уж на исходе, ить пора!
Не спася Барчин, как сможешь сам ты жить?
Дважды не умрешь, а Барчин-ай в беде, –
Руки на себя ведь может наложить!
Иль у калмыков наложницею стать?
Поезжай не медля, чтоб не опоздать,
Чтобы за насилье калмыкам воздать!..
Было тяжело мне письмо Барчин читать.
Может ли она беде противостать?» [Там же, с. 67].

Из вышеотмеченного следует, что она является главным советником брата в решении его жизненно важных вопросов. Ее любовь к брату-близнецу очень сильна, ее выносливость видна в противостоянии упрекам Ултан-газа и в искренней вере в возвращении брата.

Невеста Алпамыша Барчин отличается несравненной красотой, но к тому же, имеет качества девушки-богатырки: «В ту пору была Ай-Барчин в расцвете зрелости своей девической, – плечи у нее были – пятнадцать аршин каждое!» [Там же, с. 30].

Она может постоять за себя в борьбе против нежеланных калмыцких женихов. Например, когда Кокаман пытается схватить ее: «Барчин неожиданно повернулась лицом к насильнику – и вытянула обе руки: одной рукой за ворот схватила она Кокамана, другой – за кушак его уцепилась, – и во мгновение – огромного батыра на воздух подняла и навзничь на землю бросила, левым коленом своим сразу на грудь ему став» [Там же, с. 57].

Отметим ее храбрость, уверенность и решительность, в примерах, когда к ней приходят калмыцкие богатыри:

«Если же мои не сбудутся мечты,
По-мужски одевшись – в бой сама пойду!
Силу я в руке девической найду:
Будь вас сорок тысяч, будь вас тьма и тьма –
Всех, как одного, я перебью сама» [Там же, с. 48];

И когда она вместо отца решает дать ответ сама:
«Ты себе ступай, мой бай-отец, домой, –
Калмыкам ответить мне позволь самой,
За меня не бойся – я их не страшусь,
Слабой перед ними я не окажусь.
Праздничный наряд надену, причешусь...
Я поговорить с батырами гожусь!
Будет мой ответ на их слова толков.
Робким зайцем я не буду меж волков, –
Проучу, как надо, дерзких калмыков!» [Там же, с. 53].

Ее преданность Алпамышу проявляется во всех ее действиях. «Ни долгое отсутствие Алпамыша, ни насильственные действия Ултангаза, ни надругательства, ни угрозы – ничто не может сломить стойкую и гордую Барчин» [1, с. 89].

Исходя из вышеуказанных качеств Барчин, мы соглашаемся с высказываниями Ш. М. Абдуллаевой [Там же, с. 90], М. И. Богдановой [3, с. 101] и В. М. Жирмунского [5, с. 340] о том, что Барчин – это не образ подчиненной, неравноправной мусульманской женщины, она – образ женщины «эпоса среднеазиатских народов, сложившихся в патриархальных условиях кочевой жизни» [Там же].

Кроме главных героинь есть образы женщин второстепенного плана, которые играют решающую роль в развитии действия эпоса.

Например, эпизод провала в яму или, в случае якутского олонхо, в бездну, осуществляется с помощью отрицательных героинь. Так девушка-абаасы, перевоплотившись в девушку айыы Кюн Чемчюк, заманив заглянуть вовнутрь жилища, отправляет его в яму-бездну:

«Переступил едва порог
 Под правую руку
 Подхватила ловко
 Прекрасная женщина,
 Подвела, усадила
 На правый орон,
 На подстилку мягкую.
 Думал, что сел
 На почетное место,
 Оказалось же
 Провалом в ад,
 Полетел, покатился
 Головою вниз,
 Кувыркаясь, крутясь...» [7, с. 146].

В «Алпамыше» герой Алпамыш попадает в яму – зиндан глубиной сорок саженей, которую посоветовала вырыть злая Сурхайль. Старуха Сурхайль – злая, коварная, жестокая колдунья, которую боится даже сам калмыцкий хан, но к тому же, мать семи сыновей. Ее сыновья-батыры хотят жениться на Барчин-ай, Сурхайль тоже ее хочет взять к себе невестой, но достается Алпамышу, а сыновья умирают. Поэтому она как мать мстит за них.

Как отмечает известный исследователь олонхо И. В. Пухов, «в спасении героя участвуют чудесный конь, сестра или невеста героя» [10, с. 54]. Так образом Элэс Боотур сначала по дороге в Нижний мир с преграды спасает Дочь Луны Ыйбалдын Куо, превращая его в острую иголку, которая проходит узкое отверстие – ловушку. Потом из бездны его спасает удаганка Кюегэлдын. А Алпамышу помогает Ай-Тавка, дочь калмыцкого Тайча-хана, которая влюблена в него.

Рассмотрев женские персонажи узбекского эпоса и олонхо «Элэс Боотур», мы приходим к такому заключению, что указанные А. Н. Даниловой типы эпических женских персонажей в обоих произведениях существуют. Но в якутском олонхо эти типы женщины показаны разными отдельными образами, а в узбекском эпосе они сочетают в себе черты определенных образов. Это может быть обусловлено тем, что олонхо относится к эпосам раннего периода, поэтому содержит «сказочно-фантастическое оформление» образов, а классическая узбекская версия эпоса «Алпамыш», имеющая свои первоначальные истоки в предгорьях Алтая, сохранила элементы богатырской сказки. Также, несмотря на различие культурных традиций, места бытования, взглядов на жизнь, образы женщин как в олонхо, так и в «Алпамыше» похожи тем, что в них нет влияния духовенства. Они имеют качества характера женщин, отражающих эпоху матриархата: сильные духом, храбрые, отважные, уважаемые, мудрые, являются символами красоты, преданности и подражания, борются за спасение своего народа, за мир и за свою любовь.

Список литературы

1. **Абдуллаева Ш. М.** Образы Барчин и Калдыргач // Об эпосе «Алпамыш»: мат-лы по обсуждению эпоса «Алпамыш». Ташкент: Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1959. С. 87-91.
2. **Алпамыш:** узб. нар. эпос; по варианту Ф. Юлдаша / пер с узб. Л. Пеньковской. М.: Худ. лит., 1958. 338 с.
3. **Богданова М. И.** О некоторых художественных особенностях эпоса «Алпамыш» (по узбекским версиям) // Об эпосе «Алпамыш»: мат-лы по обсуждению эпоса «Алпамыш». Ташкент: Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1959. С. 98-117.
4. **Данилова А. Н.** Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука, 2014. 166 с.
5. **Жирмунский В. М.** Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 723 с.
6. **Оготоев П. В.** Элэс Боотур: олонхо. Якутск, 2002. 128 с.
7. **Оготоев П. В.** Элэс Боотур: олонхо: Якут. героич. эпос / пер. на рус. яз. М. Алексеевой. Якутск, 2002. 196 с.
8. **Ойунский П. А.** Якутская сказка (олонхо): ее сюжет и содержание. Якутск: Сайдам, 2013. 94 с.
9. **Путилов Б. Н.** Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с.
10. **Пухов И. В.** Враги героя в олонхо и в «Алпамыше» // Якутский героический эпос – олонхо. Якутск, 2004. 207 с.
11. **Пухов И. В.** Олонхо – древний эпос якутов. Якутск: Сайдам, 2013. 48 с.
12. **Эргис Г. У.** Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.

IMAGE OF WOMAN IN THE UZBEK EPOS “АЛПАМЫШ” AND THE YAKUT OLOMKHO “ЭЛЭС БООТУР”

Gerasimova Liliya Nikolaevna
 M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
 gelinica@yandex.ru

The article is devoted to a comparative analysis of women's images in the Uzbek version of “Алпамыш” by Fazil Yuldash, translated by L. Penkovsky and the olonkho “Элэс Боотур” by P. V. Ogotoev in order to identify similar and distinctive features. In conclusion, it is ascertained that the types of epic female characters specified in A. N. Danilova's classification are present in both works. But in the Yakut olonkho each type of a woman is shown by different images individually and in the Uzbek epos they are placed in certain images. Also, despite the differences in cultural traditions, the places of existence, and outlooks on life the images of women in olonkho and in “Алпамыш” are similar in that they have no influence of the clergy.

Key words and phrases: epos; image of woman; ideal; comparison; olonkho.